

АЛЕКСАНДРА
ЛИСИНА

АРТУР РЭЙШ

СЛУГИ
ХАОСА

Annotation

Жизнь темного мага непроста, да и работы по профилю всегда хватает. Особенно здесь, в Алтире, где несмотря ни на что регулярно случаются магпреступления. Загадочные исчезновения, божественные знамения, опасные встречи, когда под маской обычного с виду прохожего может прятаться жуткая тварь... У магов Смерти не бывает спокойных дней. Ведь когда бок о бок с тобой живет сама Тьма, всегда существует опасность, что оттуда выберется злое нечто. Жизнь темного мага непроста, да и работы по профилю всегда хватает. Особенно здесь, в Алтире, где несмотря ни на что регулярно случаются магпреступления. Загадочные исчезновения, божественные знамения, опасные встречи, когда под маской обычного с виду прохожего может прятаться жуткая тварь... У магов Смерти не бывает спокойных дней. Ведь когда бок о бок с тобой живет сама Тьма, всегда существует опасность, что оттуда выберется злое нечто.

Александра Лисина

Артур Рэйш. Слуги хаоса

– РЭ-ЭЙШ!

Я слегка поморщился от пронесшегося по коридору рева, но не мог не отдать должное Корну, который, судя по всему, с точностью до сотой доли свечи знал, когда именно я появлюсь в коридоре третьего этажа его драгоценного Управления.

С визуализатором, что ли, все утро сидел? Или ему снизу доложили, что я уже явился, и он решил поторопить события, да еще и сделал так, чтобы мимо него я уж точно не промахнулся?

Народ, который по обыкновению толпился возле его кабинета, проводил меня сочувствующими взорами. Кто-то даже ободряюще похлопал по плечу, кто-то просто поздоровался, а кто-то вполголоса пожелал удачи. Несмотря на то что в последний месяц я в ГУССе почти не появлялся, пока мы разбирались с «проклятием королей», хороших знакомых у меня появилось немало. В том числе и здесь.

Интересно, зачем же я все-таки понадобился шефу, да еще в такую рань?

Зайдя в кабинет и плотно закрыв за собой дверь, я в очередной раз наткнулся на тяжелый немигающий взгляд Корна и, привычно его проигнорировав, уселся в стоящее рядом кресло.

Шеф угрюмо молчал, по-прежнему буравя меня злобным взглядом.

Я тоже решил раньше времени не выступать, благо вины за мной никакой не было. Хотя кто бы знал, что невинная шутка его единственной дочери приведет к таким долгоиграющим последствиям? Понятно, что с учетом ниспосланного видения Фола шутка оказалась не такой уж и шуткой, однако после уничтожения Врат на меня навалилось так много дел, что передохнуть было некогда. Объяснения, встречи, отчеты... За три месяца моего пребывания во Тьме успело столько всего случиться, что я неделю только разгребал текущие дела. От работы с учениками меня тоже никто не освобождал. А уж сколько времени мне пришлось проторчать в первохраме... Неудивительно, что Натали я практически не видел. Разве что во снах? Сама она напоминать о моем обещании тоже не торопилась. Тогда как Корн...

Глянув на побагровевшую физиономию шефа, у которого разве что пар из ноздрей не шел, я искренне ему посочувствовал. Бедняга. Кажется, он каждый день на протяжении целого месяца с ужасом ждал, когда же я наконец вручу ему уведомление о помолвке.

– Ты знаешь, что это такое?! – наконец процедил Корн, подняв со стола какую-то бумагу.

Я флегматично пожал плечами.

– Не имею ни малейшего понятия.

– Твоя работа?!

– Увы. Но нет.

– Не верю!

При виде моего вселенского спокойствия шеф рассвирепел еще больше, но мне и впрямь было невдомек, какого Фола он выдернул меня из постели, да еще и тряс какой-то бумаженцией с таким видом, словно в ней был собран страшный компромат.

Бумага как бумага. Гербовой печати нет – значит, не приказ и не королевское уведомление. Какой-то текст на ней виднелся, но написан явно вручную, причем совершенно точно не мной. Однако подпись я не рассмотрел, поэтому и сказать на этот счет ничего не мог. Ну а раз сказать было нечего, то я снова пожал плечами и промолчал, терпеливо ожидая,

когда шеф все-таки соизволит пояснить причину своего сегодняшнего недовольства.

– Пошли со мной, – наконец опустил плечи Корн и, убрав непонятную бумажку в стол, поднялся.

– Куда?

– Куда надо! – рявкнул он, отбив у меня всякое желание спорить.

В полном молчании мы вышли в заполненный народом коридор. Провожаемые недоумевающими взглядами, так же молча свернули за угол. Затем спустились по лестнице на второй этаж, на первый, в подвал. И вот тогда у меня начали зарождаться первые нехорошие подозрения.

Корн, разумеется, и по дороге ничего не стал пояснять. Но я на всякий случай перебрал в уме последние дела, попытался припомнить, не получал ли Лив – Йен все еще был на учебе – официальных порицаний от начальства. Порылся в мелких недочетах, которые при всем старании наших магов все же иногда мелькали в бумагах, но грубых нарушений не нашел и еще больше насторожился.

Что за дела? Зачем шеф потащил меня в местное подземелье? Кроме архива, схрона с артефактами и тюремных камер там ничего интересного не было. Но поскольку архив мы уже благополучно миновали, да и коридор, ведущий в схрон, только что остался позади, то происходящее мне начинало активно не нравиться.

Сделав знак одному из охранников, Корн велел открыть толстенную, ведущую к камерам дверь, после чего решительно прошел по широкому коридору, с двух сторон которого виднелись одинаковые стальные двери, и уверенно проследовал к камере номер сто одиннадцать. После чего поднял ладонь на уровень глаз, но вместо того, чтобы приложить ее к магическому замку, вдруг одарил меня цепким и каким-то недобрый взглядом.

– Что? – скептически приподнял я одну бровь. – Неужто вы наконец-то нашли повод упечь меня за решетку, шеф? А весь этот фарс был задуман сугубо ради того, чтобы я раньше времени не сбежал?

Корн скривился.

– Если бы у меня был повод, ты бы уже занял «сотую». Навечно.

Я покосился в противоположный конец коридора, где виднелась самая мощная и толстая дверь, увешанная умопомрачительным количеством охранных заклинаний. Одиночка, естественно. Та, что для особо опасных преступников.

– Хм. Так вы ее специально для меня пустой держите?

– А то, – не моргнув глазом подтвердил «добрый» шеф и приложил ладонь к замку.

Тот тихо пискнул, и светящийся красным огонек сменился на зеленый, после чего тяжелая дверь дрогнула и неохотно поползла в сторону, открывая вид на прочную решетку, за которой виднелась погруженная в полумрак камера.

Тот факт, что решетка оказалась закрыта, говорил о том, что камера не пуста. Однако внутри почему-то никого не было – стоящие вдоль стены нары пустовали, да и в углах не виднелось ни людей, ни потусторонних тварей, ни даже теней от них. Ни магии, ни ауры, ни тел.

Эм. Я не понял, это что, шутка?

– А-артур Рэ-э-эйш? – вдруг донесся изнутри чей-то тихий шепот.

Честное слово, я не трус, но в кои-то веки от происходящего у меня шерсть на загривке встала дыбом. Благоволение Тьмы, невидимая броня под рубашкой, вот-вот готовая выскочить из пустоты секира... однако меня все равно окатило настолько скверным

предчувствием, что от него мигом взмокла рубаша на спине и до боли свело челюсти.

Неожиданно откуда-то сверху раздался тихий хруст, и я вскинул голову, настороженно рассматривая прилепившееся к потолку камеры нечто.

На первый взгляд *это* походило на человека. Вернее, на тощую полуголую старуху, которая висела головой вниз прямо на металлическом потолке и пристально рассматривала меня черными провалами глаз. Сморщенное лицо, серая шелушащаяся кожа, свисающие вдоль впалых щек седые лохмы, неестественно острые зубы, кривые пальцы, каким-то чудом позволяющее ей держаться за потолок...

– Что это за тварь? – ровно поинтересовался я, не сводя со старухи напряженного взгляда.

– Понятия не имею, – так же ровно отозвался стоящий рядом Корн. – Полчаса назад доложили, что у дверей Управления сидит какая-та бабушка и спрашивает тебя.

Я прищурился.

– Она кого-нибудь поранила?

– Нет. Но всем, кто проходил мимо, она задавала один и тот же вопрос, чем и привлекла к себе внимание дежурного мага.

У твари с оглушительным хрустом вдруг башка повернулась на сто восемьдесят градусов, а из сморщенного рта снова вылетел приглушенный, шепот:

– А-артур Рэ-эйш?

Причем мне отчего-то показалось, что и голос, и интонация были смутно знакомыми.

Что за чепуха?

– Мои лекари ее осмотрели и единогласно заключили, что женщина безумна, – тем временем сообщил шеф. – Но поскольку она была одна, сидела прямо у входа в здание и могла представлять опасность для окружающих, мы на всякий случай препроводили ее сюда. По дороге она никого не тронула, – тихо добавил Корн. – Вела себя спокойно, не сопротивлялась, не кричала, но постоянно спрашивала тебя. Я решил, что ты должен на нее взглянуть.

В этот момент тварь с новым хрустом оторвала от потолка ладони, тяжелым комком шлепнулась на пол, после чего резко выпрямилась и снова на меня посмотрела. Но я уже не сомневался, что от человека тут была одна оболочка: голова бабки так и осталась повернутой на сто восемьдесят градусов, так что лицо ее было обращено к нам, тогда как туловище – к противоположной стене. Но что самое интересное, твари это, похоже, ничуть не мешало. Всмотревшись в мое лицо, она вдруг расплылась в жутковатой ухмылке и торжествующе, словно констатируя факт, повторила:

– Артур Рэйш!

После чего ее туловище внезапно раздулось, деформировалось, рывком приняло нормальное положение. Руки и ноги одновременно отвалились, с мерзким шлепком ударившись о металлический пол, из образовавшихся отверстий выдвинулись длинные, хищно загнутые, смутно напоминающие паучьи лапы. А затем преобразившаяся тварь, раззявив широкую пасть, прошипела:

– Умри!

И с огромной скоростью ринулась в мою сторону.

Следственный изолятор в ГУССе был построен с умом, а его камеры имели не только крепкие решетки, но и необходимую степень магической защиты. К примеру, камера сто одиннадцать была рассчитана на среднего по уровню мага, причем как светлого, так и темного. Была способна удержать внутри и обласканного Тьмой безумца, и полноценного обитателя темной стороны вроде моргула или вампира. Толщина стен здесь превышала стандартную в два с половиной раза. Стальная облицовка была до отказа напичкана магией. Да и решетка создавалась под стать – прутья с толщиной в два моих пальца, надежные, прочные, такие без специальных приспособлений не согнешь и тем более не сломаешь.

Я знал об этом и разумом прекрасно понимал, что выбраться из такой камеры любой твари будет проблематично, однако недавно появившееся предчувствие внезапно усилилось и так обожгло, что я со всей доступной скоростью метнулся прочь и, оттолкнув Корна сторону, прикрыл его собой.

И, надо сказать, очень вовремя. Потому что в этот же самый момент казавшаяся несокрушимой решетка с диким скрежетом вылетела из пазов и, просвистев через коридор, с ужасающим грохотом врезалась в дверь камеры напротив. А следом за ней, разворотив проем, выбралась на редкость мерзкая тварь, о происхождении которой можно было только догадываться.

Больше она ничем не напоминала тщедушную старушку – преобразование оказалось всеобъемлющим и практически мгновенным. Теперь от безумной бабки здесь осталась только голова – сравнительно небольшая, сморщенная и обрамленная спутанными седыми волосами. При этом кожа на ней еще больше потемнела, почти почернела, словно опаленная невидимым огнем. Бледные губы сморщились, истончились. За ними отчетливо проступили треугольные зубы. Нос, наоборот, провалился, оставив на своем месте неровную дыру. Тогда как в глазах вспыхнуло багровое пламя, как если бы внутрь бросили горсть горячих углей.

Тело у твари тоже преобразилось. Туловище еще больше деформировалось и заметно вытянулось, отчего росту в бабке стало даже побольше, чем во мне. Верхние ее лапы теперь напоминали клешни гигантского богомола, тогда как при взгляде на нижнюю часть тела я волей-неволей вспомнил про Палача. Но если создания Лотия имели четкое разделение на человеческую и паучью половины, то здесь тварь выглядела до отвращения цельной. Здоровенная, подвижная, полностью трансформировавшаяся. Но что самое отвратительное, кроме как на лице, нормальной кожи у нее больше не было. А вместо этого она оказалась покрыта липкой пузырящейся грязно-серой массой, к которой не то что прикасаться – на нее смотреть было тошно.

Впрочем, на скорости это не сказалось – вырвавшись на свободу, тварь на редкость проворно развернулась и, отыскав меня глазами, торжествующе осклабилась.

Мы с Корном не стали ждать, когда она ринется в новую атаку, так что стоило ей повернуться, как в нее полетели сразу два огненных сгустка – беспросветно-черный и, наоборот, слепяще-белый, которые смачно зарядили твари в лоб, с оглушительным треском разлетелись тягучими каплями и... не заставили бабку даже отступить. Более того, даже вреда никакого не причинили! Мое безотказное пламя стекло с нее, словно с пустого места, тогда как заклинание шефа не оставило и крохотного ожога!

– Артур Рэйш! – рявкнула она, проворно метнувшись в нашу сторону.

Времени на раздумья не было, поэтому я швырнул в нее еще один сгусток, побольше, и, оттолкнув Корна, рывком ушел на темную сторону. Дураком он не был, поэтому при первом же удобном случае разрядил в тварь сразу несколько спрятанных под одеждой артефактов. Эффекта, правда, никакого не получил, но мне и нужно-то было всего мгновение, чтобы она отвлеклась. А как только это произошло, мне оставалось лишь прикрыться Тьмой, подобраться к ней поближе и...

Я глазам своим не поверил, когда оказался во владениях Фола – тварь тоже была здесь! Причем не только жива-живехонька, но и ничуть не изменившаяся внешне, что для живого (тем более мертвого!) тела было неестественно! Ее кожа, вопреки законам нашего мира, не постарела, не усохла, на ней не выступил иней... Честно говоря, я даже не понял, когда проклятая бабка успела за мной нырнуть! Холод темной стороны ничуть ее не замедлил, поэтому удара тяжелой клешни я избежал практически чудом, да и то лишь потому, что в последний момент не рискнул его заблокировать, а, послушавшись голоса разума, снова ушел в сторону, избегая полноценной схватки. По пути, правда, все-таки шарахнул по твари в третий раз, используя для этого уже не простой огонь, а знаки. А когда убедился, что моя магия действительно не работает, и вовсе провалился на нижний слой в надежде, что хотя бы там непонятный противник станет уязвимым.

«Ал, помоги!»

Признаться, излишняя осторожность мне обычно была несвойственна. С теми привилегиями, что я получил от Фола и от своей богини, опасаться во Тьме было нечего. Ни моргулы, ни древние обитатели глубин, никакое иное создание не могло соперничать с дарами нашего пантеона. Однако дурное предчувствие все еще выло сиреной: с тварью что-то было не так. С ней что-то было ОЧЕНЬ сильно не так, но я все еще не понимал, что именно, поэтому по-прежнему уклонялся, вертелся волчком и всеми силами избегал прямого контакта.

Оказавшись на нижнем слое, я, уже невидимый для чужого взора, на всякий случай отпрыгнул как можно дальше от беснующейся твари и с беспокойством обнаружил, что и это не помогло: она все еще от меня не отстала. Кажется, для нее не составляло ни малейшего труда ни спускаться на более холодные слои Тьмы, ни снова возвращаться обратно. Да что там! Она даже не замедлилась! Ни снега на ней, ни инея так и не появилось. Ее не сковало морозом. Ее лапы не обледенели, хотя должны были. Она все еще выглядела до отвращения материальной, сильной, быстрой и смертельно опасной.

Правда, новой атаки от нее пока не последовало. Оказавшись в призрачном мире, она ненадолго замерла с приподнятыми клешнями и закрутила уродливой башкой, ненадолго, кажется, все-таки меня потеряв. Поэтому я не стал терять время и атаковал сам, намереваясь, как и с Палачом когда-то, хотя бы лишить ее подвижности.

Вжух!

К моему величайшему удивлению, на этот раз секира не просто меня подвела, не сумев перерубить кривую лапу – она попросту истаяла в воздухе, не долетев до цели на какой-то волосок! И это моя Тьма, для которой не было препятствий ни в мире живых, ни в мире мертвых. Вы можете себе представить?!

Почувствовав неладное, монстр проворно развернулся, и я был вынужден снова отскочить, чтобы не попасть под сдвоенный удар тяжелых клешней. Напоследок, в качестве эксперимента, метнул себе за спину уже не Тьму, а здоровенный сгусток света, но, как и темный огонь, урона он никакого не нанес. Просто ненадолго отвлек от меня внимание, а

затем стек с уродливого монстра, словно обычная вода, и подозрительно быстро растворился в воздухе.

Думай, Рэйш. Думай!

Как ни тяжело это было признавать, но, пожалуй, в первый раз в жизни Тьма ничем мне не помогла. Более того, в какой-то мне показалось, что ей бы и самой-то помощь не помешала. А была бы возможность, она бы, может, и вовсе ушла, так что пока моим единственным преимуществом оставалась подаренная Алом невидимость. Да и то, вероятно, ненадолго.

После этого тварь снова меня потеряла, а потом вдруг заметалась по подземелью и негодуя завизжала, беспорядочно молотя клешнями по воздуху, словно и впрямь надеялась меня таким образом достать. Она бегала по Управлению кругами, то и дело норовя снести прозрачные стены. Словно в бешенстве, полосовала невидимые на этом слое двери, пол, едва просматривающийся потолок...

Я же, отойдя на десяток шагов, мог за ней только наблюдать. Ну и, разумеется, делать выводы. Огромная сила, скорость, способность к мимикрии и боевой трансформации, абсолютное игнорирование боевой магии, причем как светлой, так и темной...

Пока тварь металась от стены к стене и неистово рубила воздух, я торопливо перерыл всю память, прочитанные когда-то книги, справочники по темной стороне, припомнил записи учителя, но нигде не нашел упоминания насчет монстров, которые обладали бы такими свойствами. Сумасшедшая «бабка» не подходила ни под одну классификацию. К ней были неприменимы никакие правила. Она одним своим существованием опровергала и ломала все известные мне законы, и по большому счету попросту не могла существовать.

В задумчивости я создал из Тьмы еще одну секиру, разумеется, невидимую; На пробу крутанул ее в руке, и беснующаяся тварь неожиданно замерла, словно к чему-то прислушавшись. Ее глаза слепо зашарили по окрестностям, нижние лапы беспокойно переступили по обледенелой земле. Искривившийся в мерзкой ухмылке рот издал недовольное шипение, а на морде появилась раздраженная гримаса.

Та-ак. Похоже, она, даже будучи слепой, все-таки ощущает колебания пространства?

Я снова замер, мысленно возблагодарив Ферзу за то, что на темной стороне мне не нужно дышать, и принялся отсчитывать про себя мгновения, продолжая при этом внимательно наблюдать за опасной тварью.

Что может ей давать такую всестороннюю неуязвимость?

Доспехов у нее нет. Одежда разлетелась в клочья. Магии в ней тоже не было, иначе наши с Корном действия произвели бы хоть какой-то эффект – заклинания такого уровня, столкнувшись друг с другом, обязательно начнут конфликтовать или даже сбоить, однако я даже зрительных эффектов никаких не заметил, не говоря уж про магический фон. Но тогда что? Структура кожи? Какие-то предметы? Помнится, у Лотия Палачи носили при себе специальные артефакты, которые на первый взгляд даже не определялись...

На цифре «десять» тварь так же неожиданно отмерла и снова закрутила головой, оказавшись не в силах засечь неподвижную цель.

Ну хоть одна хорошая новость.

Дождавшись, когда она отвернется, я медленно-медленно скользнул к одной из призрачных стен. Поближе к твари. Затем так же медленно опустился на колени, а затем и вовсе лег, настойчиво заглядывая монстру под брюхо. Однако никаких пластин там не нашлось – пузо у паучихи оказалось цельным и с виду таким же надежным, как лапы, грудь

или спина.

Может, артефакт внутри? Может, если я смогу до него добраться, она, как безглазые псы, тоже начнет поддаваться?

Я взвесил в руке секиру и прищурился, прикидывая, куда бы ее получше метнуть, но тут заметил еще одну странность – Тьма вокруг бабки вела себя подозрительно. Я такое уже видел в Лотэйне. Возле Врат. Да и раньше мне встречалась подобная реакция, когда Тьма, будучи неспособной уничтожить серьезную угрозу, пыталась ее хотя бы отграничить.

Пока паучиха носилась, это не бросалось в глаза, однако сейчас я отчетливо увидел, как изгибалась вокруг нее Тьма, не желая даже касаться. Как волновались вокруг нее невидимые волны и с какой поспешностью они расступались, когда тварь начинала шевелиться.

Такое впечатление, что Тьма... боялась?!

Это выглядело дико, практически невозможно, однако в корне меняло мои представления о существе. Причем настолько, что я даже рискнул подняться на уровень выше. Затем и вовсе вернулся в реальный мир. Увидел, что осталось от некогда надежного и хорошо защищенного подземелья. Отыскал полуоглушенного, практически истощенного Корна, стоящую рядом с ним абсолютно невредимую тварь и в каком-то внезапном прозрении осознал одну простую вещь – паучиха не спускалась за мной на нижние уровни. Не соскальзывала со слоя на слой, как я. Она все это время оставалась на одном месте, наверху. Но при этом каким-то образом умудрялась существовать сразу НА ВСЕХ слоях реальности. Видеть и слышать все, что происходит тут и там. И так же одновременно на это реагировать.

Тьма ей в этом не препятствовала. Напротив, оказавшись не в силах остановить это нечто, она отошла в сторону, оставив здоровенную тварюгу торчать вне времени и пространства. Вне слоев. Вне границы миров, потому что по какой-то причине не захотела даже краешком касаться этого непонятного создания.

Вот почему паучиха ненадолго потеряла меня из виду – просто не сразу разобралась, на каком именно слое я нахожусь. И вот почему ее не смог достать я – как бы глубоко я ни уходил во Тьму, тварь, которая в теории должна быть уязвима для меня на любом слое, на самом деле оказалась неуязвимой на всех. Все то время, пока она с виду бесцельно металась по подвалу, она искала меня и громила стены на всех слоях одновременно. Пострадал, разумеется, преимущественно верхний, но я видел, как это происходило! Видел, хотя понимать причину начал только сейчас!

Быть может, она и впрямь была зрячей только в реальном мире или же, наоборот, видела все слои разом, но из-за обилия стен, решеток и прочих деталей изображения с разных слоев накладывались, путались и мешали ей меня рассмотреть. Поэтому-то она и захотела избавиться от помех! При этом меня она начинала видеть только тогда, когда я двигался и, следовательно, отличался от неподвижных предметов интерьера, тем самым привлекая к себе внимание.

На моих губах появилась нехорошая усмешка.

Вот теперь я знаю, где и, главное, как ее достать. Правда, это будет непросто, но раз ничего другого не остается...

Пользуясь невидимостью и тем, что тварь отвлеклась на Корна, я наклонился и коснулся валяющегося на полу выкорчеванного паучихой прута. Всего лишь элемент чьей-то решетки, короткий, толстый и не слишком удобный для боя. Но все же я дождался, пока Ал покроет его невидимой броней. Бесшумно ушел с ним обратно во Тьму. Уже там одним движением

превратил прут в остро заточенный гарпун, после чего вернулся обратно, тяжело вздохнул и, мысленно испросив прощения у Тьмы, бросил:

– Фол, я тебя отвергаю!

Не знаю, услышал он или нет, однако Тьма раздраженно забурлила и, хлестнув напоследок холодной плетью, с обидой отвернулась от меня. После чего резко отхлынула, оставив вокруг нас с тварью небольшой пятючок пустого пространства. Ушла, как я и думал, полностью. Вместе с Алом, моим доспехом, секирами и прочими привилегиями, которые были положены настоящему жнецу.

В итоге перед лицом твари я остался совершенно один. Фактически голый, босый, практически беззащитный. Без единой привязки к друзьям и даже потерявший привязку к собственному духу-служителю. Не темный жнец, не маг, а самый обычный человек, у которого даже божественного дара больше не было. Но при этом я был уверен, что все сделал правильно, а в моей руке покачивался длинный острый прут... который я и метнул со всей силы, едва паучиха сориентировалась в происходящем и проворно развернулась.

Вы скажете, это глупо – вот так легко отказаться от всех своих званий, титулов и предложенных богами щедрых даров. Отказаться от собственной Тьмы, от магии, богов и вообще от всего, ведь для темного мага... тем более для жнеца... это было немыслимо. Стать простым смертным, да еще по собственной воле...

Однако в тот самый миг прозрения я со всей ясностью понял – неуязвимую тварь можно одолеть именно так. Один на один, в том самом месте, где мы с ней одинаково слабы.

И я не ошибся – на этот раз удар оказался точен, и тяжелый прут с хрустом проломил твари тухлую черепушку, высунувшись наружу влажным, покрытым слизью кончиком. От удара едва успевшая ринуться в мою сторону паучиха вздрогнула всем телом. Остановилась. Вскинула кверху толстые клешни и уже распахнула рот, чтобы оглушительно завизжать, но в этот момент ее лапы подломились. Шея вместе с проломленной башкой обвисла. Тварь грузно опустилась на то, что служило для нас полом. Захрипела, забулькала. После чего медленно завалилась на бок, до последнего буравя меня черными глазницами, в которых так же медленно и неохотно угасало алое пламя.

Я утер выступившую на лбу испарину. А потом оглянулся и, наткнувшись на гневно вздыбившуюся вокруг меня Тьму, уставившуюся в упор, как когда-то давно, тысячами подозрительно прищуренных глаз, благодарно кивнул.

– Благодарствую, Фол. Ты всегда был мудр, поэтому я приму любое твоё наказание.

Тьма, казалось бы, ненадолго задумалась, не покарать ли меня за святотатство, но потом все же смиростивилась. Вернулась. Знакомая, родная теплая, как прежде. После чего бережно обняла, обласкала, закружила в черном водовороте, а потом отступила, оставив меня стоять... к счастью, уже одетым... посреди разгромленного, обгоревшего дочерна подземелья, рядом с поверженной тварью, из лба которой торчал покрытый слизью и наполовину обуглившийся металлический прут.

* * *

– Интере-есно... о-очень интере-есно...

Я присел на обломок двери и с усмешкой покосился на ходящего кругами возле убитой твари штатного целителя.

Господин Орбис только что не облизывался, уже предвидя, как будет исследовать неизвестное науке существо. И если бы не Корн, который давно пришел в себя и злым сорванным голосом отдавал приказы, небось уже бы копался в склизких внутренностях, несмотря на отсутствие инструментов.

В подземелье тем временем всюду суетился народ. Завалы постепенно разгребали. Самые крупные обломки отволокли в сторону, мелкие так и продолжали хрустеть под ногами. Охранники на время превратились в уборщиков. От количества магов магов, светящихся всевозможными приборами, было не протолкнуться. Из двух дальних камер прямо у меня на глазах выволокли чудом уцелевших арестантов, которых оглушило падающими железками. Но на их счастье неизвестная тварь охотилась исключительно за мной, поэтому не обратила на них внимания. Да и Корна, что совсем удивительно, не затоптала и не обезглавила.

– Рэйш! – отвлек меня от размышлений громогласный вопль. Шеф был ожидаемо взвинчен, грязен, как собака, и соответственно зол. – Тебе что, особое приглашение нужно?!

Я вопросительно на него посмотрел.

– В мой кабинет! Живо! – гаркнул шеф, прожигая меня бешеным взглядом. Но тут же отвлекся на более важные дела. – Эй вы! С тварью аккуратнее! Аккуратнее, я сказал! Не суйтесь под клешни! Они зачарованное железо режут, как лопухи, не то что ваши дурные головы!

– Слизь, похоже, ядовитая, – радостно потер ладошки целитель. – Вон как прут уже разъело! Так что будьте внимательны, коллеги, беритесь за останки только в специальных перчатках! И постарайтесь ничего не повредить! Это чрезвычайно ценный образец! Нужно доставить его в «холодильник» с максимальной осторожностью!

– Да его еще попробуй повреди! – пропыхтел наклонившийся над паучихой маг. – Эта тварь весит, как весь наш ГУСС в период общих собраний!

К нему тут же подошли коллеги, попытались втроем поднять хотя бы одну клешню, но, к собственному удивлению, едва сумели ее сдвинуть, так что для переправки останков им явно понадобится кран, потому что магия на тварь даже сейчас не действовала.

– Рэйш! – устав ждать, гаркнул шеф. – Не мешай людям работать!

Я со вздохом поднялся.

Все бы ему орать, неугомонному. А я, между прочим, тоже не отказался бы покопаться во внутренностях паучихи и заодно понять, что же это за монстр такой, из-за которого я рискнул вызвать гнев владыки ночи. Тьма меня, правда, уже простила, однако с Фолом по этому поводу еще придется объясняться. И лично я, идя в первохрам, хотел бы иметь воистину железные аргументы, которые наш несговорчивый, гневливый, скорый на расправу верховный бог примет хотя бы к рассмотрению.

Под свирепым взглядом Корна я вышел в коридор. Следом за ним поднялся на третий этаж. Зашел в кабинет. Молча занял то же самое кресло, из которого меня недавно подняли, и снова задумался.

Ситуация была нестандартной. Я бы сказал, из ряда вон выходящей. Но если уж даже люди Корна не заметили подвоха с «бабкой», значит, поначалу она и впрямь выглядела неопасной. Внешний вид, аура... Дежурный маг ведь не мог не проверить ауру, это основа основ в нашем деле... с ними все было в полном порядке. По крайней мере, при беглом осмотре, иначе спецы Корна сразу же всполошились бы.

Но тогда что же произошло?

Кого я убил в подвале? Живое существо или все-таки нет? Самостоятельную сущность или же искусственно созданного монстра?

Но больше всего интересовал вопрос: а кто его создал? И почему натравил его именно на меня?

Мне-то казалось, у меня больше не осталось врагов. Ни среди живых, ни среди мертвых. Лотий во Тьме, с нежитью (что высшей, что с низшей) я договорился. Поводырь и его приятели мне тоже больше не страшны. Божественный пантеон мне доверяет. Жрецы считают братом по духу. И вдруг на тебе! Невесть откуда появляется тварь, с которой даже мне с ходу не удалось совладать! И это притом, что мне сегодня помогал Ал, а его, между прочим, подпитывал сам Фол. Мне благоволит Ферза, меня поддерживает даже Рейс! Моя секира была целиком покрыта жидкостью из алтаря, но и она не взяла проклятую тварь с нахрапа!

Что же это такое? Из каких глубин к нам пришло? Или, может, правильнее спросить: у кого в нашем мире могли остаться знания, как победить богов и тех, кто им служит? Это ведь необычная устойчивость. К магии – ладно, пускай. Но чтобы Ал вдруг меня взял и подвел?

Он, кстати, и сейчас угрюмо помалкивал. После того, как я отказался от Фола, связь с алтарем как обрезало. И это было скверным признаком. Как бы не вышло так, что я и в первохрам больше не попаду.

– Рэйш... – в третий раз позвал меня Корн. Правда, на этот раз скорее устало, чем зло. – Объясни, что сейчас произошло? И какого демона какая-то поганая тварь едва тебя не угробила?

Я смерил его хмурым взглядом.

Шеф не шутил. Смотрел тревожно, даже не скрывая собственной нервозности. Да и мне уже было не до шуток.

– Понятия не имею. Ни с чем подобным мне раньше сталкиваться не доводилось.

– Я угробил на эту тварь уйму магии. Самые сильные заклятия... амулеты... резерв уже в ноль, а ей хоть бы хны! Рэйш, ты можешь мне это объяснить?!

Я отрицательно качнул головой.

– Даже мне не удалось достать ее обычными способами.

– Но все же ты ее убил, – полувопросительно сказал Корн.

– Да, – согласился я. Хотел было добавить, что справился только чудом, однако в это время на столе заверещало сразу несколько переговорников.

– Шеф! – раздался из первого звенящий от тревоги голос Хокк. – Эй, шеф, у нас чэпэ! С Рэйшем что-то случилось! Он вдруг оборвал все поводки и исчез! Нигде найти не можем! Дома его нет, в храме не объявлялся...

Корн поморщился.

– Ничего с ним не случилось. Сидит у меня в кабинете. Живой, здоровый. Помирать не собирается.

– Фу-ух, – выдохнула Лора. – Просто он даже мертвым так быстро не пропадал из виду... Прошу прощения, шеф. Спасибо за хорошие вести. И передайте, пожалуйста, Рэйшу, что я за такие фокусы голову ему откручу по возвращении!

– Всенепременно.

Корн одарил меня многообещающим взглядом и взялся за второй амулет.

– Алле, шеф! – выкрикнул оттуда Йен. – Извините, что беспокою. Я даже с занятия

отпросился, но тут такое дело: с Рэйшем, похоже, беда! Его поводок...

– Оборвался, знаю, – ровно пророкотал Корн. – Но ничего страшного не случилось. Он у меня в ГУССе. Живой.

– Под арестом, что ли?!

– С чего бы это? – одарил меня еще одним выразительным взглядом шеф.

– Да нет, ничего, – тут же смешался Йен. – Извиняюсь за неурочный вызов. Хорошего дня. Арт, ты труп!

– Господин Корн! – выкрикнул из третьего амулета взволнованный голосок Триш. – У нас проблема! Мастер Рэйш, чтоб его демоны пожрали...

– Живой. Здоровый. С поводками позже разберется.

– Правда? – отчего-то не поверила девчонка. И тут же смутилась. – Ой, как хорошо. Я тогда передам нашим, чтобы больше вас не беспокоили. Извините. До свидания.

– До свидания, – медленно проговорил Корн, отнимая амулет от губ. Но не успел он убрать его обратно в стол, как в кабинете резко похолодало, после чего прямо на ковре образовалось огромное заиндевевшее пятно, а затем рядом с окном открылась темная тропа, и оттуда вывалился смертельно бледный, взъерошенный, откровенно напуганный мальчишка с обледеневшей скрипкой в руках.

– Господин Корн!

Встретившись со мной взглядом, Роберт... явно сбежавший с урока музыки... вздрогнул всем телом, непонимающе распахнул глаза. После чего растерянно захлопал ресницами, наконец сообразил, что не так, ужасно смутился и поспешил спрятать инструмент за спину.

– Извините. Я-а... я, кажется, тропой ошибся. Простите, учитель, это больше не повторится.

Я едва сдержал улыбку.

– Все в порядке, ученик. Возвращайся к занятиям.

Роберт перевел дух и исчез так же быстро, как появился. Однако не успел оттаять испорченный Тьмой ковер, как из пустоты проступил еще один человеческий силуэт. Правда, довольно смутный, нечеткий, потому что никогда раньше Мэл не стремился, да и не должен был показываться в реальном мире. Но сегодня он явно решил сломать наше представление о возможностях духов-служителей, поэтому все же показался Корну на глаза. Цепко взглянул на меня, оценил обстановку. После чего кивнул шефу и сухо бросил:

– Арт, тебя ждут в храме. Немедленно. И не только отец-настоятель.

Я машинально потер спрятанный под перчаткой перстень, гадая про себя, какие еще сюрпризы стоит ожидать от брата в ближайшем будущем. А когда Мэл исчез, я вопросительно посмотрел на напряженного Корна.

– Проваливай, – буркнул он, когда осмыслил произошедшее. – Но по возвращении напишешь отчет. Подробный, понял?! В том числе и по новому служителю!

– По возвращении я предпочел бы встретиться с Рошем, – пропустил мимо ушей угрозу я. – И с другими компетентными специалистами в области потусторонних сущностей и сомнительных артефактов.

Корн свирепо на меня зыркнул.

– У тебя два часа.

– Спасибо, шеф, – совершенно искренне поблагодарил его я и, как был в кресле, так и исчез, отправившись на заслуженную трепку.

– Ты заставил меня беспокоиться, Артур, – упрекнул меня отец Гон, когда я спустился в первохрам.

Мэл, почему-то ожидающий моего появления возле статуи Рейса, только хмыкнул.

– Он всех сегодня напугал. Надеюсь, на это была весомая причина?

– Что случилось, Артур? – с беспокойством спросил настоятель и, подойдя вплотную, заглянул в мое хмурое лицо. – Я чувствую тревогу. Сегодня тебе грозила серьезная опасность.

Я бросил быстрый взгляд в сторону алтаря, который в кои-то веки отказался меня поприветствовать, после чего вздохнул и как можно короче пересказал события сегодняшнего утра, приведшие меня в итоге на порог первохрама.

Настоятель слушал не перебивая. В какой-то момент даже глаза прикрыл, полностью сосредоточившись на моем голосе и не желая упустить ни единой детали. А когда я дошел до момента, когда вынужденно отрекся от владыки ночи, снова их распахнул и возрился на меня с пристрастным выражением.

– Вот оно что...

– Что? – не понял я, стараясь не смотреть в сторону постамента Фола.

Отец Гон свел брови к переносице, отошел на пару шагов и, не глядя, опустился на бесшумно выросший прямо из пола стул. На его лице проступила неподдельная озабоченность, на лбу залегла глубокая морщинка. Он ненадолго задумался, а может, и к чему-то прислушался, но вскоре снова встрепенулся и посмотрел на меня совсем иначе.

– Вот, значит, в чем дело... Фол встревожился не зря.

– Да говорите уже прямо, святой отец, – неестественно ровно осведомился Мэл, подойдя ближе и встав у меня за спиной. – Арт теперь что, отлучен от храма?

Отец Гон покосился на него с удивлением.

– Нет, конечно. Иначе его бы сюда не пустили.

Это верно. Я, если честно, поначалу даже сомневался, смогу ли открыть самую простую тропу. Но потом вспомнил слова Ала: мол, то, что мы изучили или создали сами, боги уже не в силах отобрать, и успокоился. Ведь это означало, что все, чем я владел до приезда в Алтир и встречи с отцом Гоном, останется при мне навсегда. А значит, на самом деле я потерял не так уж много.

– Тогда в чем дело? – продолжал возмущаться Мэл. – Почему я даже сейчас не могу его почувствовать?!

Я молча протянул руку и коснулся предплечья брата. Тот вздрогнул, потом замер. Какое-то время стоял, раскачиваясь, будто старое дерево на ветру. А когда привязка душ вернулась и через Мэла прошла вереница моих мыслей, он как-то весь обмяк и, усевшись прямо на пол, в шоке уставился на меня снизу вверх.

– Как такое может быть?!

– Не знаю, – хмуро отозвался я. – Но я не нашел другого способа справиться с этой тварью. Ее не взяла моя магия. Ей не смутило благословение Фола. Ее даже моя Тьма испугалась! Пришлось сражаться как дикарю – практически с голыми руками. Хуже другое: тварь может быть в Алтире не одна. И если мы не найдем ее создателя, проблемы могут начаться не только у меня.

– Артур...

Я поднял руку, заставив отца Гона осечься, потому что вовсе не собирался просить его о заступничестве. Я знаю, что сделал. И вполне представлял себе последствия. Но, как и раньше, предпочитал решать свои проблемы сам, поэтому оставил брата с отцом Гоном наедине, решительно подошел к мрачно вззирающему на меня из темной ниши постаменту Фола и коротко ему поклонился.

Слов в свое оправдания я, пока сюда шел, так и не придумал, однако, как оказалось, они были и не нужны. Потому что как только я прикрыл глаза, ожидая гнева божьего, мне в затылок дохнул прохладный ветерок, а знакомый голос ласково произнес:

– Я рада, что ты вернулся, жрец мой. Хотя недавно мне казалось, что этого может и не произойти.

Я склонил голову еще ниже.

– Прости, прекраснейшая. Тьма – это владения Фола. Но если бы они были твоими, я бы отказался даже от тебя.

– Почему, Артур Рэйш? – тихо спросила Смерть.

– Потому что тварь, способная проигнорировать силу самого владыки ночи, должна быть уничтожена. И я ни за что не позволил бы ей уйти, зная, что рано или поздно она появится здесь.

Мои волосы мягко погладили прохладные женские пальцы.

– Это правильный ответ, мой жрец. Фол не сердится на твой проступок.

– Почему же он не скажет этого сам?

– Сегодня, как бы странно это ни звучало, его благословение сделало тебя уязвимым. Сегодня ты мог погибнуть. Но благословение нельзя просто так дать и потом отозвать. Каждое наше действие оставляет след в ткани мироздания. Поэтому будет лучше, если какое-то время Фол будет обходить тебя своим вниманием. А до тех пор, пока оно не вернется, ты не сможешь его услышать.

Почувствовав, как за спиной снова потеплело, я выпрямился и кинул еще один внимательный взгляд на постамент. Однако Фол, как и сказала Ферза, отказался со мной общаться. И точно так же его алтарь продолжал оставаться безучастной ко всему каменюкой.

Что ж, похоже, о невидимости придется на время забыть. Да и на нижние слои пока не стоит спускаться. С другой стороны, когда-то мне хватало и своей собственной Тьмы, так что в любом случае не пропаду. Что же касается Фола...

Подумав, я все-таки поклонился владыке ночи еще раз.

Все верно: привыкнув полагаться на его дары, я едва не забыл, чего стою сам, поэтому чуть не проиграл свой последний поединок. Кем бы ни была та тварь, сила Фола не поможет ее убить. Скорее наоборот, сделает меня легкой добычей. А каждый раз при встрече с подобным монстром демонстративно отказываться от его покровительства и потом снова его просить, это как-то... мелко, что ли? Недостойно темного мага. И раз уж Фол, все видя и понимая, сам от меня отказался, значит, уверен, что я и без его помощи прекрасно справлюсь. Это значит, что он по-прежнему верит мне. По-своему помогает. И вот за это я был ему благодарен.

– Ты становишься мудрым, брат мой, – задумчиво проговорил отец Гон, когда я вернулся. – Но ты прав: создателя твари надо найти.

– Вы можете подсказать, в каком направлении двигаться? – встряхнулся я. – Где хоть искать? Среди людей или нежити? Демонов или, может, каких-то иных существей?

– Фол пока думает, – замедленно отозвался жрец. – Боги тоже сталкиваются с подобным

впервые.

– Но ведь они боги, – возразил Мэл. – Разве в этом мире им неподвластно все до последней песчинки?

Отец Гон остро на него глянул.

– Не забывай: наши боги совсем недавно возродились и еще не скоро обретут полную силу.

– К тому же в мире все-таки остались вещи, которые им неподвластны, – задумчиво обронил я.

– Имеешь в виду «зеркало королей»? – встрепенулся брат, до которого докатилась очередная моя мысль.

– Да. Кристалл... Что, если после ухода той твари в нашем мире остались другие осколки? – спросил я скорее себя, чем его. – Что, если кто-то сумел их использовать? Что, если та тварь была не единственной? Святой отец...

– За границей нашего мира царит хаос, Артур Рэйш, – чужим голосом отозвался настоятель, на лицо которого внезапно набежала густая тень. – Тварь возле Врат была одна, но ты мыслишь в правильном направлении – хоть самый большой и опасный разлом был закрыт, однако маленькие щели все равно время от времени образуются. И это может быть опасно.

Мы с Мэлом быстро переглянулись, не совсем поняв, куда он клонит, а отец Гон вдруг опустил плечи, как-то весь обмяк и, шумно выдохнув, растер лицо руками.

– Святой отец? – настороженно переспросил я.

– Мне все-таки кажется, что и без благословения владыки ночи у тебя развился дар предвидения, – устало вздохнул жрец, отнимая от лица руки. – Фол считает, что идея с границей не лишена смысла.

– Нам что, опять придется ее закрывать?! – возмутился Мэл, некстати вспомнив, чем это для него закончилось.

Отец Гон качнул головой и, сделав знак, попросил пару мгновений тишины. А когда окончательно оправился от ниспосланного владыкой ночи видения, начал медленно и тихо говорить.

– Может, вы об этом не догадываетесь, но наш мир – это крохотный островок стабильности на бескрайних просторах Вселенной. Таких островков немало, и каждый из них тщательно охраняется...

– Богами? – предположил я.

– Да, Артур. Приходя в новый мир, боги вдыхают в него жизнь, населяют разумными созданиями и во всех смыслах делают его обитаемым... но снаружи выстроенной ими защиты, как и раньше, царит первозданный хаос. Тогда как боги – это воплощение порядка, которым каждый миг приходится отстаивать у хаоса свое право на существование.

Мэл озадаченно поскреб затылок, как и я, впервые задумавшись, а зачем нам вообще нужны боги.

Как-то жрецы упустили этот момент в своих проповедях. Да, они говорили, что боги нам помогают, в обмен на молитвы даруют те или иные привилегии. Вроде как наблюдают за нами, следят за миром и порядком... но при этом даже у меня до недавнего времени складывалось обманчивое впечатление, что мы в общем-то и сами способны справиться со всеми трудностями. А боги... ну просто где-то есть, зачем-то мы им нужны, и на этом, можно сказать, мое понимание мироустройства заканчивалось.

По мере того как я открывал для себя темную сторону, мое мнение о богах постепенно менялось. А когда мы закрывали разлом в Лотэйне, образ богов окончательно перестал ассоциироваться у меня с компанией празднично одетых, паразитирующих на нашей вере сущностей. Я увидел их изнутри. Пусть краешком, но все же коснулся их мыслей, устремлений. Обнаружил, что на самом деле боги действительно нужны. Но только сейчас до меня дошло – насколько.

– Боги не почивают на лаврах, веками собирая с верующих невидимую дань, Артур, – едва уловимым укором посмотрел на меня отец-настоятель. – Создав обитаемый мир, они вынуждены следить, чтобы он не был разрушен ни снаружи, ни изнутри. Латать трещины в защите, укреплять границу, отгонять от нее потусторонних тварей. Да, хаос силен. Какова бы ни была мощь богов, но против целой Вселенной не выстоять даже им. И только здесь, в обители созданного ими порядка, они способны поддерживать равновесие.

– А зачем им это нужно? – полюбопытствовал Мэл. Да и мне, признаться, стало интересно. – Если снаружи царит только хаос, то получается, что и боги пришли оттуда же?

– Верно, – сумел удивить нас отец Гон. – Наши боги действительно родом оттуда, но, создав обитаемый мир, они сошли с пути разрушителей и встали на стезю творцов. Поэтому свой мир они берегут, растят его, как садовник растит редкое дерево... Быть может, я путано объясняю, но это то, что мне сегодня открылось. И то, чем я хотел бы с вами поделиться.

Я замедленно кивнул.

– Нет, святой отец. Вы объясняете очень доступно. Даже по разлому кое-что прояснилось. Но не так давно наши боги были слабы. На какое-то время они вообще перестали контролировать ситуацию с Вратами... да, наверное, и не только с ними. Что за это время произошло с защитой, которую они держат вокруг нашего мира?

– Трудно сказать, – ненадолго задумался отец Гон. – Пока наши боги спали, они многого не видели и не осознавали. На фоне тех сложностей, с которыми мы пытались справиться последние полтора тысячелетия, некоторая нестабильность защиты воспринималась как должное. Да и перед лицом более серьезной угрозы в лице полноценных Врат мелкие трещины никто не искал. За это время частицы хаоса могли не только сюда проникнуть, но и закрепиться. А поскольку его природа преимущественно разрушительна, то для нашего мира его появление – все равно что... змея, которая вдруг отыскала в своем гнезде птичье яйцо.

Мэл нетерпеливо прошелся вдоль молчаливых статуй.

– Святой отец, правильно ли я вас понял: решая более крупную проблему, мы случайно не заметили несколько мелких, и теперь это нам аукнется? Не допустив в наш мир одну злобную тварь, мы, возможно, проморгали появление гораздо более опасного противника, который, пока мы отвлеклись, сумел пробить брешь в поставленной богами защите?

На лицо настоятельно снова набежала тень.

– Боюсь, что так, сын мой. И последствия этой ошибки могут оказаться катастрофическими.

– Но все же времени с появления Врат прошло довольно много, – обронил я, когда Мэл растерянным жестом схватился за голову. – Был бы хаос силен, нам бы уже не поздоровилось.

– Даже обычное птичье яйцо непросто раздавить в ладони, – кивнул жрец. – Поэтому хаос постоянно ищет бреши, глодает скорлупу, царапает ее поверхность в надежде пробить хотя бы крохотное отверстие...

– А затем ему помогли изнутри, и вот он здесь, – мрачно закончил я. – Хорошо. Это

понятно. Вопрос в другом: что мы можем с этим поделать? Попробовать отыскать эти трещины? Как-то их закрыть?

– Но как? – спросил Мэл.

Отец Гон, когда мы одновременно на него посмотрели, только тяжело вздохнул.

– Судя по вашему лицу, – нахмурился я, – Фол и остальные нам в этом не помогут.

– Боги истощены, – подтвердил мои наихудшие опасения жрец. – Их возможности сильно урезаны, и пройдет еще немало лет, прежде чем они войдут в полную силу.

– Но хотя бы трещины в защите они могут нам показать?

Настоятель удрученно покачал головой.

– Хаос и порядок противоположны по сути, поэтому в местах, где поселяется хаос, божественные законы не работают, а божественный взор туда не проникает.

– Совсем скверно, – пробормотал я. – Тогда как мы можем его найти, святой отец? Вернее, меня больше интересует, как мы можем его убить?

– У меня нет ответа на твой вопрос, Артур, – тихо ответил жрец. – Природа хаоса настолько нам чужда, что в мире нет такой силы, которая была бы способна его уничтожить.

– Тогда зачем вы меня позвали? И при чем тут все-таки тварь? – не без раздражения задал я тот самый вопрос, с которым и пришел в первохрам. – Как вообще связан приход хаоса с существом, которое я сегодня уничтожил?

Отец Гон тяжело вздохнул.

– Связь есть, брат мой, иначе Фол не ниспослал бы мне видение. И вот как раз об этом я и хотел с вами поговорить.

* * *

– Разойдитесь... расступитесь...

Встревоженно гудящая толпа в холле главного Управления столичного сыска неохотно подалась в стороны, пропуская тяжело пыхтящих коллег, которые тащили в сторону лечебного крыла смердящие останки.

Вряд ли Корн соизволил просветить своих людей насчет того, что же в действительности произошло в подвале, однако неистовый грохот слышали все, последствия метания паучихи до них тоже наверняка доносились, и не раз. Так что ничего удивительного, что когда по Управлению прошла информация о неизвестной науке твари, весь штатный состав ГУССа вывалился в коридор, чтобы посмотреть, что за монстра мы там поймали.

Господин Орбис, правда, принял меры предосторожности, поэтому клешни, туловище и прочие телесные принадлежности твари были накрыты толстой дерюгой. Однако насчет кислоты он оказался прав, поэтому плотную, тяжелую, специально замагиченную ткань по пути порядком разъело, и самые внимательные все-таки успели увидеть детали.

Когда я вернулся, народ из холла так и не успел рассосаться, да и возле двери в лечебное крыло толпились посторонние, возбужденно обсуждая случившееся. Там же, у дверей, стояли двое охранников, которые при виде меня тут же насторожились. Тогда как я при виде них сперва остановился, после чего попятился, завернул в первый попавшийся кабинет (к счастью, пустой) и уже оттуда по темной стороне прокрался в «холодильник» в надежде, что господин Орбис и его ребята уже приступили к вскрытию и дадут мне если не всю, то хотя бы самую важную информацию.

– Мастер Рэйш! – окликнул меня знакомый голос, стоило мне отпустить от себя Тьму.

Я быстро обернулся и опешил, увидев посреди пустого коридора мягко улыбающуюся Натали Корн.

– Здравствуйте, Артур, – поприветствовала она меня, словно и не было этого месяца, который мы вынужденно провели порознь. – Очень рада вас видеть.

– Взаимно, – пробормотал я, от неожиданности едва не растерявшись. – Как вы тут оказались, Натали? Разве вы не должны сейчас вести занятия у студентов?

Прекрасная фея, которая так часто являлась мне во снах, звонко рассмеялась.

– Что? Неужто и вы хотите меня отсюда выгнать?

Я непроизвольно оглянулся.

– А что, были другие кандидаты?

– О да. Отец, когда узнал, что я выпросила у директора дополнительную стажировку в ГУССе, аж пятнами пошел. Знаю, что это не совсем мой профиль. Но я подумала, что иногда надо пробовать новое. Так что когда папа вспылил и заявил, что его дочь никогда не будет работать с обезображенными трупами...

Натали на мгновение прищурила глаза, в которых появился стальной блеск.

– Я из принципа написала заявление о приеме на работу. На четверть ставки. На основании четвертой поправки к «Уложению о постдипломном образовании», которая мне как целителю первого ранга позволяет самостоятельно выбирать места для дополнительной стажировки. Так что подписать заявление папочке придется, иначе я подам жалобу в исполнительный отдел, и оттуда ему спустят уже официальный приказ, после которого он из большого начальника превратится в большое посмешище.

Я мысленно присвистнул.

Так вот отчего Корн был с утра в таком бешенстве. Похоже, решил, что это я надоумил младшую леди Корн подать заявление о приеме на работу. Но Натали-то... Натали-то хороша! Это ж надо было устроить отцу такой стресс, что он только после встречи с тварью самую чуточку оттаял!

– Полагаю, теперь мы будем чаще встречаться, мастер Рэйш, – преувеличенно строго посмотрела на меня фея. – Но оно и к лучшему. Вы ведь не забыли о своем обещании, не так ли?

– Эм...

– Нехорошо, когда люди, собравшиеся заключить договорной брак, так мало видятся. Вы ведь уже подготовили свою часть брачного контракта?

Под ее серьезным взглядом я снова едва не растерялся, но вовремя подметил пляшущие в глубине ее глаз восхитительные смешинки и непроизвольно улыбнулся.

– А вы уже купили платье?

– К сожалению, нет, – притворно вздохнула она. – Папочка в последнее время чуть ли не по пятам за мной ходит и контролирует каждый мой шаг, так что поход по лавкам пришлось временно отложить. Но я тут подумала... а может, вы составите мне компанию? Вы ведь тоже в этом заинтересованы, правда?

Я сделал вид, что задумался.

– Вообще-то видеть жениху платье невесты до свадьбы – плохая примета.

– И правда... Что ж, тогда я приглашаю вас на ужин.

– Хм... свидание?

– Почему бы и нет? – хитро прищурилась Натали.

Разумеется, после этого мне оставалось только согласиться.

– Почту за честь.

– Отлично! Тогда послезавтра в семь. Заведение называется «Белая лилия». Это...

– Я знаю, где это, – улыбнулся я, испытывая сильное желание поцеловать эту удивительную девушку. Но она, как почувствовала, тут же зарделась, отступила на шаг. А когда она отвернулась и излишне поспешно, как мне показалось, ушла, я встряхнулся, отогнал ненужные мысли и, глянув на «холодильник» через линзу, целеустремленно направился к комнате под номером восемь, где господин Орбис как раз взялся за нож.

Когда я вошел внутрь, он, кстати, совершенно не удивился. Будто заранее предвидел, что я захочу присутствовать. Но не успел я порадоваться этому факту, как маленький целитель взмахнул рукой и твердо сказал:

– Мастер Рэйш, при всем моем уважении, но я не могу допустить вас до участия в процедуре вскрытия.

– Это еще почему? – нахмурился я.

Что за шутки? Это ведь я укокошил тварь!

– Шеф сказал, что если вы здесь появитесь, то я должен немедленно направить вас к нему в кабинет.

Я нахмурился еще больше.

– И давно он вам об этом сказал?

– Почти две свечи назад.

То есть сразу после того, как я ушел.

Ну, Корн... Похоже, он изучил меня гораздо лучше, чем мне бы того хотелось, и прекрасно знал, что по возвращении я первым же делом сунусь не к нему, а в местный «холодильник».

– Он собирает совещание, – уже несколько спокойнее и почти извиняющимся тоном сообщил господин Орбис. – Я на нем, к сожалению, присутствовать не смогу, но благодаря визуализатору... – Он ткнул ножом куда-то мне за спину и одновременно вверх. – Вы сможете в подробностях увидеть весь процесс. Он к тому же еще и записывается, поэтому вы в любом случае ничего не потеряете.

Я быстро обернулся и, изучив висящий под потолком прибор, неохотно отступил.

Что ж, стоило признать, на этот раз Корн меня переиграл. С другой стороны, отпущенное им время действительно подошло к концу, поэтому мне ничего не оставалось, как ретироваться и вместо того, чтобы узнавать информацию из первых рук, отправиться вверх. В кабинет шефа, где, полагаю, он уже собрал всех заинтересованных лиц.

– Проходи, садись, – буркнул Корн, когда я открыл дверь и обнаружил, что в кои-то веки явился не самым последним. – Херьен едет с другого конца города, поэтому слегка запаздывает. А Эрроуз сейчас будет.

Я кивнул Илджу и Рошу. Так же молча поприветствовал еще двух коллег... светлого и темного... с которыми прежде знаком не был. После чего занял максимально удаленное от шефа кресло и занялся любимым делом – наблюдением, потому что без Эрроуза мы наверняка не начнем, а просто так сидеть было скучно.

Незнакомцы тоже особой деликатностью не отличались, поэтому в гляделки мы играли открыто.

Светлый показался мне излишне молодым, хотя, конечно, гениальные специалисты могут встретиться и в двадцать пять, и даже в пятнадцать лет. Выглядел он ухоженным. Дар имел достаточно сильный. Однако судя по бледной коже и некоторой нервозности, гулять под солнцем и находиться в компании большого количества людей паренек не любил. От него исходили явные волны беспокойства. Он постоянно теребил манжету своей рубахи. То и дело косился на Корна. Ерзал. И судя по всему, был бы счастлив, если бы собрание закончилось, так и не начавшись.

Второй гость оказался некрсом. Примерно того же возраста, как и Рош. Схожей комплекции. Уверенный в себе, в меру полный и слегка лысоватый господин, который изучал меня с нескрываемым интересом.

Что самое интересное, за последние полгода я успел увидеть всех толковых темных как на восточном, так и на северном и южном участках. Однако его я не видел ни во время разборок с вампирами, ни во время погони за умруном. Да и во время охоты за «двойным» убийцей он мне ни разу на глаза не попался.

Вариантов было два: или некрс в то время отсутствовал в городе, то есть для Алтира он являлся пришлым, что, впрочем, опровергалось той уверенностью, с которой он себя вел в кабинете у Корна. Или, что более вероятно, он не был оперативным сотрудником Управления. А являлся, скажем, сотрудником Королевского магуниверситета. Причем не простым, а с научной степенью.

Если же учесть, что парнишка тоже не походил на оперативника, а максимум, на что его могло хватить, это звание аспиранта на какого-нибудь хитровывернутой кафедре, то думаю, что не ошибусь, если скажу, что передо мной находятся те самые специалисты, которых я запросил у Корна.

– Господа... – Слегка запыхавшись, быстрым шагом вошел в кабинет Грэг Эрроуз. – Прошу прощения. Корн, Илдж, Рош, приветствую... О, мастер Дау, и вы здесь? Рад встрече.

– Взаимно, – неожиданно низким голосом пророкотал некрс.

Эрроуз хотел было сказать что-то еще, но тут заметил меня, и на его лице проступило обреченное выражение.

– Рэйш... Ну кто бы сомневался. Что-то мне подсказывает, что причиной экстренного совещания снова стал именно ты. Я прав?

Я сокрушенно развел руками.

– У каждого свои недостатки.

– Все, хватит, – оборвал нашу дружескую беседу Корн. – Херьена не ждем. Полагаю,

Рэйш уже ввел его в курс дела. Если не полностью, то хотя бы частично, поэтому начинаем.

Я пристально посмотрел на шефа, но тот даже глазом не моргнул, словно лично присутствовал при нашем разговоре и совершенно точно знал, какие распоряжения я отдал Ливу перед походом в первохрам.

– Итак, – сцепив руки над столом, буркнул Корн, и в кабинете мгновенно повисла безрадостная тишина. – Не далее как полторы свечи назад начальники участков получили приказ, согласно которому все подозрительные лица, стремящиеся попасть в здание Управления... особенно неадекватные лица, либо разыскивающие одного или нескольких наших сотрудников... должны быть задержаны до выяснения обстоятельств и немедленно, но со всей возможной осторожностью переправлены в камеры категории ОО.

«Для особо опасных», – кивнул про себя я, радуясь тому, что наши с шефом мысли идут сходными путями. У нас в Управлении, правда, такой камеры пока не было – работы по ее обустройству только начались, поэтому я велел Ливу передать подозрительное лицо (если такое появится, конечно) сразу в ГУСС, в котором вышеупомянутая одиночка имела и, что самое важное, почти не пострадала от буйства «бабушки-паучихи».

– Основанием для подобного распоряжения стало случившееся этим утром чрезвычайное происшествие, – продолжил Корн и коротко описал суть произошедшего, начиная от появления у дверей вверенного ему учреждения псевдостарушки и заканчивая теми разрушениями, которые она учинила.

После этого ко всем присутствующим со стола спланировало несколько бумаг.

– Перед вами находятся характеристики уничтоженной сущности, – пояснил шеф, не давая нам времени вчитаться. – Рост, вес, степень сопряженности частей тела... данные пока предварительные, но сейчас это все, что мы имеем.

– Простите, шеф, – тут же перебил его Илжд. – Вы сказали, что у сущности первоначально был человеческий облик и человеческие же конечности. Как могло получиться, что степень сопряженности между телом и конечностями второго плана... пусть даже и после столь выраженной трансформации... достигла предположительной оценки в девяносто процентов?

– Специалисты еще изучают этот вопрос. Ждем результатов вскрытия, но предварительный осмотр дает основания полагать, что конечности второго плана являлись для сущности такими же «родными», как и утраченные ею руки и ноги.

– Иными словами, ее вторичная структура ничем не уступала первичной?

– Это необычно, – рискнул подать голос юноша-светлый. А когда на нем скрестились все взгляды, неожиданно смешался и пробормотал: – Прошу прощения, господа... Олек Грим. Старший аспирант кафедры артефакторики и магического конструирования. Специализация: искусственные сущности.

– Вам есть что сказать по этому поводу? – слегка помягчел Корн, сообразив, что парнишка нечасто присутствует на подобного рода разборах.

– Да... то есть не совсем... в смысле...

– Не волнуйтесь. Никто не требует от вас мгновенных выводов. Соберитесь. Подумайте. Возможно, с чем-то подобным вы уже встречались в своей практике. Или, быть может, в наши заключения закралась ошибка, и вы поможете нам ее отыскать.

Ровный успокаивающий тон Корна сделал свое дело – парнишка явно приободрился. Его руки перестали дрожать, а голос стал заметно увереннее.

– Я хотел сказать, господа, что здесь может и не быть ошибки. Явление полного

средства между первичными и вторичными... а иногда и третичными изменениями действительно встречается крайне редко. Обычно наиболее полно и уверенно сущность пользуется именно первоначальными, не трансформированными частями тела. Однако описанное вами явление вовсе не является исключительным. Но для этого явления необходимо соблюдение трех условий.

– Ну-ка, ну-ка, – подался вперед Илдж.

– Во-первых, сущность должна быть хотя бы условно разумной, чтобы суметь контролировать процесс изменения тела. Во-вторых, трансформация должна быть полной, то есть затрагивающей все аспекты – и физический, и астральный. А в-третьих, сущность должна быть материальной. В противном случае ее трансформация невозможна.

Хм. Верно. Даже мои призраки, имея несколько большие возможности, не могут стать материальными за пределами дома. На такое даже Мэл неспособен, а это о чем-то да говорит.

– То есть влияние духов, демона и прочей потусторонней дребедени мы отмечаем, – пробормотал Эрроуз, быстро придя к таким же выводам.

Парнишка помотал головой.

– Не совсем так. Их присутствие возможно. Например, в качестве источника энергии. Или управляющего элемента. Но основой должно непременно служить что-то материальное...

– Например, человек, – с хмурым видом довел до конца его мысль Рош.

– Да, – с облегчением подтвердил юноша. – Или, скорее, человеческое тело. Иногда для этой же цели используют големов. Или кукол. Или другой предмет, в который временно можно вселиться.

– Проблема в том, что в данном случае у нас неоднородный материал, – засомневался Илдж. – Я тоже в курсе про големов, однако даже по предварительным материалам очевидно, что изначально старушка была опознана как безумная, но все-таки живая. И только после трансформации с ней начала твориться какая-то ерунда. Рэйш, я прав?

Я пару мгновений помолчал, но потом все-таки неохотно кивнул.

Пожалуй, да. В самый первый миг старуха меня особенно не насторожила. Через Тьму я, правда, на нее не смотрел, но если сравнивать ее с моим первым умруном, то я был склонен считать ее скорее живой, чем мертвой, тогда как умруна пырнул секирой в живот без малейших раздумий.

– Рэйш, какие у тебя остались впечатления от этой сущности? – повернулся в мою сторону Эрроуз.

– Наисквернейшие, – не стал лукавить я.

– Ты же ее убил! – удивился Рош.

– Да. Но ни магия, ни благословение Фола, ни иные мои способности мне в этом не помогли.

– Вы получили божественное благословение? – с любопытством уставился на меня аспирант.

Эрроуз скривился.

– Рэйш у нас вообще... неординарная личность. Но все же хотелось бы услышать подробности. Что тебя насторожило?

– Размеры, – коротко обозначил я свои сомнения. – Боевая трансформация сделала тварь почти втрое выше и крупнее первоначальной ипостаси. А также существенно тяжелее. Но за

счет чего произошло это изменение, мне непонятно. Магия, божественное вмешательство... Все мы прекрасно знаем, что дополнительная масса не берется ниоткуда и не исчезает в никуда. При этом отпавшие конечности в качестве источника массы тварью даже не рассматривались. Она менялась изнутри, за счет какого-то внутреннего резерва. Но любой источник виден магическим взором. Однако при первичном осмотре я такого не заметил, иначе сразу бы насторожился. Да и шеф, полагаю, тоже.

Корн кивком подтвердил мою правоту и так же знаком велел продолжать.

– То, что тварь была быстра и сильна, вы тоже знаете, – не стал я тянуть кота за лапу. – Тюремную решетку она вынесла с такой легкостью, словно та была сделана из бумаги. Ее клешни без проблем разрывали стальные двери и стены. При этом защитные заклинания, как и атакующие, ее абсолютно не смущали. Она их просто не заметила и перла напролом, невзирая ни на какие барьеры.

– Полностью иммунна к магии? – усомнился в моих выводах Илдж.

– Да. Мне пришлось отказаться от магии и использовать стальной прут, чтобы ее убить.

– Это более чем необычно...

– Особенно если знать, какой уровень этой самой магии может выдать при желании Рэйш, – буркнул Эрроуз. – Что, совсем не удалось ее поранить Тьмой?

– Ни царапины. Грэг. Магия ее словно... обтекала. Причем и Свет, и, как ни странно, Тьма.

Темные дружно переглянулись.

– А вот это уже тревожно, – выразил их общее мнение Рош. – Особенно когда подобная информация исходит от Рэйша. Что еще ты можешь сказать дельного?

– Я бы сравнил ее с Палачом, – со вздохом признал я, заставив присутствующих поневоле вздрогнуть. – Примерно та же скорость, сила, наличие определенной программы действий... Даже внешние данные очень похожи, словно кто-то взял Палача за образец и попытался его улучшить.

– Это возможно? – Рош метнул на Корна быстрый взгляд.

Тот покачал головой.

– Мои источники утверждают, что останки Палачей были гарантированно уничтожены. Ни действующих образцов, ни прототипов не осталось.

Значит, Аарон Искадо проникся рассказом сына и предпринял меры, чтобы больше об этих тварях Алтория никогда не услышала. Оставался, правда, еще Лотий. Чисто теоретически у него ведь мог быть и еще один образец. Однако, как все искусственные сущности, Палач был привязан к хозяину на крови. И со смертью хозяина должен был погибнуть. Хотя...

У меня вдруг спину осыпало морозом.

А если у него был одаренный сын?!

«Спокойно, брат, – раздался у меня голове голос незримо присутствующего на совещании Мэла. – Пока ты спал, отец Гон сообщил, что у Лотия не было детей. Тот сам сказал, что после полученной в детстве травмы стал в этом плане бесполезным. Причем сказал под амулетом правды, который настоятель успел включить и который Лотий не сразу заметил».

«Значит, наследников нет», – так же быстро успокоился я.

«Если бы были, Лотий точно привлек бы их к обряду. Одного как пить дать положил бы на алтарь, ибо только родственность душ могла обеспечить ему максимально возможное

приживление в новом теле. Однако с Палачом сходство все же прослеживается, ты прав. Думаешь, Лотий мог передать эту информацию кому-то еще?»

«Без привязки на крови она бесполезна. Да и на сторону он бы Палачей не отдал. По крайней мере до того, как добился бы цели».

– Рэйш, у тебя все? – осведомился Корн, заставив меня вернуться в реальность.

Я встрепенулся.

– Нет, шеф. У меня сложилось впечатление, что тварь была не совсем разумна. В том смысле, что меня она, конечно, искала. Более того, узнала. Но при этом у нее не хватило мозгов ни устроить ловушку, ни как-то иначе меня обмануть. Она действовала чересчур грубо, даже я бы сказал – топорно.

– Что по этому поводу сказали жрецы?

Я только собрался открыть рот, чтобы поделиться предположениями отца Гона, как тут у шефа на столе завибрировал переговорный амулет, а следом за этим стена за его спиной слабенько засветилась, и на ней проступили неясные очертания какой-то комнаты.

– Шеф! – прозвучал из амулета голос штатного целителя. – Господин Корн, вы меня слышите?!

– И видим, – кивнул Корн, взяв в руки переговорник, отчего картинка на стене сразу улучшилась. На ней действительно была изображена та самая комната, откуда я недавно пришел, и господин Орбис, стоящий над секционным столом в грязном фартуке и с острым ножом в руке. – Что можете сказать по поводу трупа?

Орбис приосанился.

– Это определенно живой организм, шеф. Только сильно видоизмененный.

– Измененный в какую сторону?

– Да вот так сразу и не сказать... но он настолько необычен, что мог быть создан только искусственно. И работа, надо признать, проделана великолепно, в нее вложено столько труда!

– Кто же тебя так не любит? А, Рэйш? – тихонько хмыкнул Эрроуз, но я его демонстративно проигнорировал.

– Очень крепкая кожа, – тем временем поделился открытием целитель. – Ножу поддается с трудом, так что я искренне удивлен, что ее удалось пробить обычным прутком. Магии не поддается совсем. Ни сама кожа, ни то, что под ней. Внутренности...

Он отчего-то сморщился.

– Отсутствуют, из чего следует заключить, что существо создавалось для краткосрочных целей. Я не нашел органов, отвечающих за восполнение потраченной энергии. Наличие магического источника, как вы понимаете, исключено. А питаться, несмотря на наличие рта и зубов, оно не способно – у него нет ни глотки, ни желудка... да и мозгов, надо признать, тоже нет. Так что чем оно думало и как функционировало, я пока не понимаю.

– Что вы нашли внутри? – скупой поинтересовался Рош, даже привстав с кресла, чтобы лучше видеть.

Целитель подвинулся в сторону, открывая нам прекрасный вид на препарированную тварь.

– Смотрите сами. Кроме кожи, полностью сросшейся и с костями, лица и зубов... практически ничего. По сути, это голем. Только оболочка у него почему-то живая. И я даже не знаю, кто и каким образом сумел все это совместить.

– А что это за каша у нее в животе?

Господин Орбис опустил в грязно-серое месиво нож и, подержав его какое-то время внутри, вытащил обратно куцый железный огрызок.

– Кислота. Причем на редкость едкая. Но, что удивительно, воздействует она только на неорганические структуры.

– В каком смысле?

– В прямом. Для живых эта субстанция неопасна, можно хоть голыми руками месить, а вот все остальное разъедает практически мгновенно. Шесть скальпелей сменил, пока ее вскрывал. Да и стол, пожалуй, надо будет заменить, а то он едва держится.

Корн тревожно забарабанил пальцами по столу.

– Как, по-вашему, эта тварь могла принимать самостоятельные решения? И мог ли ею кто-то управлять на расстоянии?

– Ну... поскольку мозгов у нее нет, то мыслить самостоятельно она точно не могла. Да и сигнал извне, будь он физическим, ментальным или магическим, ей бы не помог. Управляющий элемент непременно должен был находиться внутри. И он, вероятно, там был, пока мастер Рэйш его не уничтожил.

Мне достался с «экрана» укоризненный взор, но Корну уже было не до этого.

– Кто это мог быть? Дух? Призванный демон? Может быть, какая-то сущность?

– Да что угодно, – развел руками господин Орбис. – Хотя духи обычно слабы и очень быстро покидают искусственное тело. Демоны, в свою очередь, крайне прожорливы, их сложно держать в узде, и вряд ли один из них смог бы устоять перед искушением попробовать на вкус не только мастера Рэйша, но и, скажем, вас, шеф. Божественную или около того сущность сюда тем более было бы не загнать. Поэтому в качестве наиболее подходящего варианта я бы, пожалуй, все-таки рассмотрел человеческую душу, ибо эксперименты на эту тему уже проводились... тьфу-тьфу, чтоб нам больше никогда не слышать про Палачей. Но тут вот какое дело, господа: любой душе нужна привязка. А тут привязываться вроде как не к чему: внутри нет ни крови, ни артефактов. Поэтому, если честно, я пребываю в сомнении.

– Душа все же наиболее вероятный вариант, – тихо проговорил молодой маг, аспирант и специалист по искусственным сущностям.

Я, если честно, склонялся к такому же мнению. Но подождем, что по этому поводу скажут дипломированные специалисты.

– А еще меня смутило наличие трансформации, – тихонько кашлянул господин Орбис, пока народ напряженно размышлял над его предыдущими предположениями. – Для искусственно созданного тела это почти невыполнимая задача. А живое при тех условиях, что я описал, не смогло бы нормально функционировать.

Корн поджал губы.

– Иными словами, вы не знаете, что это такое?

– Боюсь, что так. Но я непременно разберусь, если вы дадите мне время.

Шеф после этого посмурнел еще больше и о чем-то глубоко задумался. Но как только экран погас и в кабинете воцарилась почти что мертвая тишина, наш второй гость – тот на удивление молчаливый некрос, который до сих пор так и не задал ни одного вопроса – неожиданно пошевелился и густым басом предложил:

– Давайте подведем итоги, господа.

– Мастер Дау? – повернулся к нему шеф. – У вас есть какие-то соображения?

Некрос сделал неопределенный жест рукой.

– Думаю, вы согласитесь, что, исходя из полученных данных, пока можно с уверенностью сказать лишь то, что у нас имеется на редкость осведомленный на тему жизни и смерти преступник, неплохо разбирающийся в вопросах создания искусственных существ. Более того, способный (в одиночку или при наличии помощников) это самое существо создать. Предположительно, на основе одной из уже существующих технологий, которые, судя по всему, были серьезно дополнены и видоизменены. Личность преступника пока неизвестна, так что предлагаю сосредоточиться на том, что мы знаем о собственно существе: оно быстрое, сильное, неуязвимо для магии, но при этом поддается обычному оружию...

– Если оно применяется в абсолютно амагическом пространстве, – счел за нужное уточнить я.

Некрос благодарно кивнул.

– Вот именно, мастер Рэйш. Мы также можем предположить, что существо было создано не только искусственно, но и, вероятно, для конкретной цели. А именно убийства. При этом полагаю, вы согласитесь, что основой для управляющего элемента с высокой долей вероятности действительно послужила чья-то душа, а вот основой для тела явилось... Не знаю, заметили ли вы, господа, но в его структуре присутствуют элементы как живого, так и неживого. Полагаю, если мы исследуем его более подробно, то обнаружим там наличие и обычных человеческих тканей, и структуры деревянного, и металлического, и даже каменного происхождения. К какому выводу это должно нас привести?

Я с интересом покосился на мастера Дау.

Похоже, он тут самый немногословный, но при этом и наиболее подкованный.

– Кто способен вмешиваться в естественный ход вещей и грубо искажать законы природы? – тем временем задал более конкретный вопрос некрос. – А также сопротивляться проявлениям магии вплоть до полного иммунитета и с одинаковой легкостью оперировать как материальными, так и нематериальными основами? Кто способен противостоять нам всем, вместе взятым, невзирая на степень удаленности от границы миров? Кто с высоты самого высокого шпиля на главном храме страны готов плевать на законы божьи и создавать, а иногда даже грубо внедрять свои собственные законы? Кто может провести двойную и даже тройную трансформацию тела практически без потери качества? Наконец, кто способен с легкостью поменять полярность воздействия, сделав из живого тела мертвое, а затем наоборот?

– Да ну, не может быть... – пробормотал сообразивший первым Рош. – Про них уже несколько веков никто и ничего не слышал.

Корн перевел озадаченный взгляд с некроса на него, затем обратно. Эрроуз откровенно задумался. Илдж только пожал плечами. Аспирант засомневался. А мастер Дау почему-то повернулся ко мне и, наклонив голову, негромко, зато очень весомо уронил:

– Мне кажется, вы уже знаете ответ, мастер Рэйш. Так скажите нам: кто ваш враг?

Я, оказавшись на перекрестье взглядов, тяжело вдохнул:

– Судя по всему... ведьма.

Маги недоверчиво переглянулись. Корн, мгновенно заподозривший меня в утаивании важной информации, снова расствирепел, но, прежде чем он раскрыть рот, в коридоре послышались торопливые шаги, после чего дверь широко распахнулась и внутрь влетел взмыленный Херьен.

– Фух! Прошу прощения за опоздание! Надеюсь, я ничего важного не пропустил?

Ведьмы...

Пожалуй, каждый из нас что-нибудь про них слышал. Каждого пугали в детстве страшными сказками. Но до недавнего времени даже я не испытывал острой необходимости разбираться в этом вопросе, потому что ведьмы... это и впрямь нечто из разряда невозможного. О них что-то вроде слышали, о них иногда упоминали (чаще всего шепотом), но при этом никто и никогда их не видел. А все, что мы о них знали, являлось лишь непроверенными слухами и обрывками нескончаемого бреда тех редких безумцев, которые утверждали, что имели честь с ними встречаться.

Собственно, даже у меня не было полной уверенности в том, что я прав, но при слове «ведьма» перед внутренним взором неизменно появлялась одна и та же картина: ржавая баржа, забитый трупами трюм, светящиеся огоньки чужих душ и обнаженная женщина со вздувшимся животом, откуда вот-вот должны были родиться новые Врата.

Я, когда ее увидел, еще подумал мельком, а не ведьма ли мне, случаем, встретилась? Но после победы над умрунами так много всего произошло – вампиры, алтарь, восстановление первохрама, двойной убийца, моя мнимая смерть, – что я и думать об этом забыл. А вот теперь раз за разом вспоминал недавний разговор с отцом Гоном и мучительно размышлял: если то и впрямь была настоящая ведьма, то откуда она взялась? И смог ли я ее убить? А если нет, то не по этой ли причине к нам в гости сегодня заглянула здоровенная паучиха?

– Рэйш? – как всегда некстати вырвал меня из задумчивости шеф. Вскоре после того, как Херьен занял свое место, выслушал краткое пояснение от коллег и тоже обеспокоился, услышав слово «ведьма».

Я поднял на Корна спокойный взгляд.

– Я как раз хотел об этом сказать. Отец-настоятель не уверен, что правильно расшифровал послание своего бога, но вмешательство ведьмы рассматривается им как наиболее вероятный сценарий.

– Что ты можешь нам рассказать?

Я мысленно хмыкнул, по достоинству оценив формулировку вопроса.

Но на самом деле рассказать я мог не так уж и много, иначе это грозило бы разглашением храмовых тайн. И тем не менее кое-какая информация и впрямь требовала привлечения к этому делу посторонних.

– Согласно храмовым сведениям, первые упоминания о ведьмах появились в наших летописях около тысячи... плюс-минус пару-тройку столетий... назад, – уронил я в наступившей оглушительной тишине. – Обычно мы представляем себе ведьму в облике пожилой женщины с уродливой внешностью, однако отец Гон заверил меня, что *это* не зависит ни от пола, ни от возраста, ни от места проживания. Так что под определение «ведьма» может попасть и девушка, и юноша, и ребенок, и даже старик.

– Что же, по-твоему, у них общего? – напряженно уточнил Корн.

Я снова вздохнул.

– Они безумны. Но это совсем не то безумие, которое поражает обычного человека или же мага, впервые оказавшегося во Тьме.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Илдж. Как целитель, он сталкивался со многими сумасшедшими, в том числе с теми, кто стал таковым на темной стороне, но и для

него полученная из храма информация оказалась внове.

– В нашем мире все упорядочено, – тщательно подбирая слова, ответил я. – И даже в бреднях обычных безумцев есть своя, пусть и извращенная логика. Кто-то из них живет в выдуманном мире, кто-то поражен бредом ревности или преследования... однако безумная идея, которая главенствует в голове у простого человека и делает его неадекватным, обычно имеет достаточно четкое обоснование. У нее, проще говоря, есть причина и следствие.

– Пожалуй, что так, – согласился со мной начальник восточного участка.

– Так вот, у ведьмы подобной идеи нет. В ее поступках не прослеживается четкой последовательности. В ее памяти практически не удерживаются текущие события. Она живет сиюминутными порывами, а ее мысли и действия настолько... хм... хаотичны, что их не только нельзя предотвратить, но и предугадать невероятно сложно. Ведьма может сутками сидеть на одном месте, неподвижно глядя в одну точку, а может без всякой причины сделать шаг и тут же развернуться в обратную сторону. Она может спокойно сидеть и ждать, когда к ней подойдет, но никто не скажет, захочет ли она подскочить и вцепиться кому-то в горло или же без возражений пройдет с вами в следственный изолятор.

Корн метнул на меня напряженный взгляд.

– Обычные безумцы этим тоже грешат. Пока не вижу особых отличий.

– Ни одна ведьма не способна сама о себе позаботиться, – пожал плечами я. Мол, за что купил, за то и продаю. – Она не помнит о том, что ей нужно есть или спать. Она не чувствует боли, когда поранится. Не бережет свое тело, не сознает грозящих ей опасностей, поэтому, как правило, долго не живет. При этом она не умеет плакать или смеяться. Не способна завидовать или ненавидеть. У наших безумцев хотя бы инстинкты еще присутствуют, тогда как ведьма лишена даже этого. Она лишена эмоций. Она не ставит перед собой целей. Все, что ее составляет, это хаотичные, беспорядочные движения и такие же хаотичные мысли. Именно этим она и отличается от всех остальных.

– У нас в университете нет этой информации, – с интересом оглядел меня мастер Дау. – Почему-то с нами господа из жреческого Ордена отказываются откровенничать.

– Расслабьтесь, коллега, – успокоил его Рош. – У Рэйша особые отношения с храмом.

– Да и жрецы к нему относятся как к своему, – проворчал Эрроуз, мудро не упомянув, что не один и даже не два из них прилюдно назвали меня своим братом.

– Простите, господа, – рискнул привлечь к себе внимание Олек Грим. – Мастер Рэйш, вы говорите чрезвычайно интересные вещи, но все же позвольте спросить: правильно ли я понимаю, что ведьмы тоже в какой-то степени являются одаренными?

– Это не дар, – качнул головой я. – Ведьмы не способны ни владеть магией, ни получить божественное благословение.

– Однако мастер Дау...

– Сила ведьм исходит не от богов, – ответил за меня некрос. – Не знаю, насколько это соответствует информации мастера Рэйша, но я в свое время изучал архивы по данной теме. Беседовал со жрецами, разумеется. И хоть мне и не досталось всех необходимых сведений, но в этом вопросе у меня нет ни малейших сомнений.

Я кивнул.

– Вы правы, мастер Дау. Сила ведьм не имеет ничего общего с тем, чем владеем мы с вами и жрецы. Больше скажу – эта сила противоположна нашей по знаку. Они абсолютно полярны. Но не как вода и огонь, которые при любой возможности готовы друг друга уничтожить. Они... как магниты. При встрече неизменно отталкиваются. Поэтому наша

магия против магии ведьм, в чем я убедился сегодня на собственном опыте, абсолютно бесполезна.

– В чем же ее источник?

Я пожал плечами.

– Жрецы утверждают, что ведьма черпает силы в себе. Неисчерпаемый внутренний источник, в котором никто, кроме них, не способен существовать.

– А чем они объясняют этот феномен? – снова влез в разговор аспирант.

– Пока есть только предположения. К сожалению, суть этого явления от нас настолько далека, что мы его даже засечь не способны, не то что поймать и изучить.

Эрроуз быстро переглянулся с Илджем.

– Хочешь сказать, что маги не способны найти даже одну-единственную ведьму?

– Ну ты же не думаешь, что они просто так от нас веками успешно скрываются? – усмехнулся я. – Отец-настоятель считает, что целенаправленно отыскать ведьму никому из нас не под силу. Даже обычный человек может наткнуться на нее лишь по чистой случайности. Да и то с высокой долей вероятности эта встреча станет для него последней, а если он и не умрет в процессе, то со стопроцентной вероятностью его поглотит безумие.

– Безумие от человека к человеку не передается! – хором заявили Илдж и Олек Грим, причем с таким видом, словно уже не первый раз пытаются втолковать эту известную истину.

Я только хмыкнул.

Обычное безумие, может, и не передается. А вот частица хаоса, которая, по словам настоятеля, и делает ведьму ведьмой, – еще как.

– Подождите, – впервые подал голос Лив Херьен, который, подобно мастеру Дау, сперва предпочитал внимательно всех выслушать и только потом делать выводы. – Арт, ты сказал, что у ведьмы нет цели и что она не способна на какую-то системную работу. Вроде как в ее мозгах царит полнейший кавардак... но тогда как она могла тебя отыскать? Как в ее башке вообще смогла удержаться мысль о том, кто ты и по какой причине тебя надо убить?

Я одобрительно кивнул.

– Молодец, соображаешь. Но тут есть два варианта. Первый: или наши сведения о ведьмах неполны, что, между нами говоря, очень даже вероятно. Или же сегодня к нам явился обычный голем, в тело которого запихнули чужую душу.

– Полагаю, знакомую тебе душу? – остро взглянул на меня шеф, который не хуже меня знал, что даже после смерти у людей могут оставаться не только воспоминания, но и желания.

– Но чья она? – озадаченно воскликнул Илдж, закрутив головой, словно ожидал, что искомая душа найдется прямо тут. – Кто мог желать тебя убить даже после смерти, Рэйш? Да еще с такой силой, чтобы согласиться на ведьминский ритуал?!

– Шеф! – вдруг без стука влетел в кабинет молодой светлый маг в форме Управления. – Только что пришел ответ на ваш запрос!

– Что за запрос? – нахмурился Корн, знаком велел ему подойти. А едва глянув на корявую, явно не его рукой сделанную подпись, раздраженно дернул щекой. – Рэйш, твоя работа?!

Я, не смущаясь, кивнул.

– Прощу прощения, шеф. Я долго думал и решил, что найти одного безумца способен только другой безумец, поэтому взял на себя смелость отправить в ближайший Дом

милосердия запрос от вашего имени.

Шеф отложил расправу на потом и зашуршал бумагой.

– Судя по всему, ты не ошибся, – странным голосом произнес он, когда прочитал короткое послание. – Здесь говорится, что один из пациентов по имени Альтис Шоттик... помнишь такого? Так вот, два дня назад он сбежал из Дома милосердия, и в настоящее время его местопребывание неизвестно.

* * *

У Корна мы задержались почти на полторы свечи.

Само собой, обсуждение было бурным. Господа научные сотрудники долго думали, спорили и жонглировали малопонятными терминами, после чего вывалили на наши головы целый ворох непроверенных сведений, теорий и предположений. В чем-то их выводы показались мне интересными, к каким-то даже Корн отнесся благосклонно. Но шеф по обыкновению не стал торопить события, а просто принял информацию к сведению, взял с ученых подписку о неразглашении и всем присутствующим дал время поразмыслить до следующего утра, после чего прийти сюда с уже готовыми вариантами решения.

Эрроуз, когда услышал, что ему еще и завтра придется сюда тащиться, вполголоса пробурчал:

– И почему опять все мы должны в этом участвовать? Убить-то хотят только Рэйша.

Но шеф его не только услышал, но и соизволил ответить, в своей манере пояснив начальнику северного участка, что, во-первых, я мог быть всего лишь первой (в смысле самой заметной) целью, после чего подобные големы вполне могли появиться и у дверей его Управления тоже. А во-вторых, наличие в столице живой ведьмы само по себе является чрезвычайным, потенциально опасным и требующим всестороннего расследования событием, не отреагировать на которое ГУСС попросту не могло.

Эрроуз после этого заткнулся, но на меня перед уходом все равно посмотрел непристеливо. Однако я не сомневался, что свою часть работы темный в любом случае выполнит. И независимо от отношения ко мне наизнанку вывернется, чтобы избавить столицу от угрозы.

Когда народ разошелся, шеф, разумеется, предложил мне задержаться, поскольку как посвященный посвященному я мог рассказать ему гораздо больше, чем остальным. Однако многое в этом деле мне и самому было непонятным. Рассказ отца Гона оставил после себя много белых пятен и нестыковок. Идея с Шоттиком и вовсе оказалась чем-то вроде озарения. Собственно, я даже насчет ведьмы-то до сих пор сомневался, поэтому, прежде чем делиться выводами, предпочел бы все еще раз обдумать, проверить, посчитать. И в этой связи почти суточная передышка была для меня очень кстати.

Домой, правда, я не пошел – от работы в Управлении меня никто не освобождал. Но перед тем, как туда явиться, я все же заскочил в Белый квартал и тайком пробрался в дом семейства Искадо, где меня уже давно ожидал изведшийся от нетерпения ученик.

Когда я появился в комнате, Роберт молча подошел и порывисто меня обнял, уткнув лицо в живот. В его комнате в кои-то веки царил страшный беспорядок, вещи были разбросаны, пюпитр вместе с нотами лежал на полу. Скрипка, к которой мой ученик вернулся по настоянию матери, валялась на подоконнике, а в воздухе до сих пор витало

ощутимое напряжение.

– Испугался? – тихо спросил я, погладив Роберта по голове.

Тот шмыгнул носом и кивнул.

– Ничего. Обрыв поводка – далеко не самое страшное, что может случиться. В следующий раз, прежде чем паниковать, помолись для начала Ферзе. И если она скажет, что моей души по-прежнему нет в ее угодьях, значит, повода для тревоги нет.

– Простите, учитель. Просто это было почти так же, как возле Врат. Но там я хотя бы знал, что происходит, а тут...

Он прерывисто вздохнул, а я присел перед ним на корточки.

– Неизвестность пугает, я знаю. Но ты должен понимать, что некоторые вещи неизбежны. А некоторые, напротив, еще можно изменить, даже если кто-то считает это невозможным.

– Вы правы, мастер Рэйш, – слабо улыбнулся мальчик. – Когда-нибудь настанет время, и вы так или иначе меня покинете. Но я едва не забыл, что отлетевшую душу всегда можно попробовать вернуть.

– Совершенно верно. Поэтому мастера Смерти не должны выводить из равновесия подобные вещи. Сколько нот ты запорол, когда решил, что я умер?

Роберт опустил глаза.

– Четыре.

– Неплохо, – сдержанно удивился я. – Покажешь, где именно напортачил?

Мальчишка воззрился на меня с таким выражением, словно я только что предложил ему сменить покровителя.

– Вам, мастер Рэйш?!

А потом неожиданно смутился.

– Простите. Мне показалось, у вас есть и более важные дела. К тому же я только учусь...

– Вот именно, – усмехнулся я. – И я хочу знать, чего ты достиг не во Тьме, а в реальной жизни.

Из дома герцога Исадо я ушел лишь через три четверти свечи, когда убедился, что мальчик окончательно успокоился и не наделает в мое отсутствие глупостей. Поводок, разумеется, вернул. О причинах обрыва коротко рассказал. Предупредил, чтобы с этого времени Роберт очень внимательно относился к появляющимся в доме гостям. И только после этого ушел, предварительно попросив Мэла присмотреть за мальчишкой.

Следующим пунктом моего путешествия стало западное Управление столичного сыска. И вот там, в отличие от всех прочих мест, мне пришлось не в пример сложнее. Оказывается, с утра на участке было относительно тихо. Поэтому с того момента, как я потерял связь со всеми своими учениками, а Корн подтвердил, что при этом со мной все в полном порядке, Триш, Тори и Хокк успели извести себя целой кучей всевозможных предположений, из которых ни одно, как обычно, не соответствовало действительности.

– Ладно, – проворчала Лора, когда я пояснил причины, поделился информацией из храма (после Лотэйна скрывать от них было уже нечего) и вернул всем поводки. – Убивать тебя пока не буду. Но морду когда-нибудь набью точно.

– Мастер Рэйш, – наморщил нос Тори. – Это что же получается, нам сейчас надо отложить в сторону обычные дела и заняться поисками ведьмы?

– Возможно, не ведьмы, а ведьм, – поправила его Триш. – Кто знает, сколько их на самом

деле?

Я качнул головой.

– От обычных дел нас никто не освобождает, но работать теперь придется с удвоенной осторожностью.

– А что делать, если ведьма появится здесь?

– Отступить. Позвать на помощь. И не пытаться уничтожить ее самостоятельно.

Хокк задумчиво потерла подбородок.

– Рэйш, как считаешь, насколько верно твое предположение насчет Лотэйна и Врат? Та штука, которую мы изгнали, могла спровоцировать приход хаоса, а следом за ним и ведьм?

Я только руками развел.

– Сроки по летописям почти совпадают. Но точного ответа нам никто не даст. Отец Гон предполагает, что ведьмы получаются из соединения частицы хаоса и разумного существа.

– Почему только разумного?

– Потому что именно разум приносит с собой подозрения, сомнения, предположения и варианты. Дерево, которое выросло в лесу, не задается вопросами о смысле бытия. Его не волнуют проблемы жизни и смерти, оно ни с кем не ссорится, не ругается, не переживает по пустякам и не пережевывает одни и те же мысли по тысяче раз на дню. Его жизнь размеренна, предопределена и от начала до конца подчинена заложенной богами программе. А в разумных существах всегда есть частичка если не хаоса, то... скажем так, беспорядка. Мы мыслим не словами, а образами. Порой частенько перескакиваем с одного на другое, а иногда и вовсе убегаем мыслями в такие дали, что потом даже вспомнить не можем, с чего вообще все начиналось. Настоятель полагает, что именно поэтому мы, люди, не всегда умираем рядом с частицами хаоса, а иногда... почему-то... преобразуемся и способны с ними объединиться. Именно так могут рождаться ведьмы.

Тори озадаченно кашлянул.

– Хотите сказать, из-за того, что у некоторых из нас каша в голове, хаос принимает нас... типа за своих?

– Что-то вроде того, – усмехнулся я. – Но думаю, мы с вами на эту почетную роль не подойдем.

– Это еще почему? – удивилась Триш.

– Потому что хоть мы иногда и сбиваемся с мысли, но чаще всего способны сосредоточиться и довести ее до конца. Если она куда-то убежала, мы делаем усилие и возвращаемся к началу. Если забыли, пытаемся вспомнить. Если не поняли, стремимся разобраться. По сути, каждый раз при этом мы упорядочиваем себя сами. Как говорится, приводим мысли в порядок. Причем, если вы не заметили, на темной стороне этот процесс происходит значительно быстрее и легче.

– Это правда, – переглянулись ученики. – Во Тьме мыслится и вспоминается гораздо легче.

– Значит, ведьм из нас и впрямь не получится, – с невеселым смешком заключил Тори. – Какая жалость. Зато данный факт позволяет исключить из списка подозреваемых не только нас, но и всех темных магов вообще. По крайней мере тех, кто еще жив.

Я улыбнулся.

– Почему только темных? Светлых тоже. Магия-то у нас, по сути, одна и та же. Как и боги.

Тори покраснел.

– А, ну да...

– Значит, остаются простые люди, – задумчиво обронила Хокк. – Причем, скорее всего, неадекватные, далекие от здравого смысла или совершенно безумные люди. Если уж частица хаоса кого и приметит, то в первую очередь их.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4qs>